

С. М. Морозов

HOMO SENSUM

[человек смыслопорождающий]

Станислав Морозов

**Ното sensum (человек
смыслопорождающий)**

«Издание книг ком»

2018

Морозов С. М.

Homo sensum (человек смыслопорождающий) / С. М. Морозов —
«Издание книг ком», 2018

Книга профессора Московского государственного психолого-педагогического университета С.М. Морозова представляет собой сборник работ, опубликованных автором в разное время, но объединенных попыткой ответить на один вопрос: что собой представляет удивительная реальность, которую мы называем внутренним миром человека? Автор много лет искал этот ответ в океане идей, на которых базируются фундаментальные теории, созданные отечественными психологами, и пришел к выводу: главная функция человека – не разумное препарирование воспринимаемой информации, как все еще думают многие, а создание смыслов, наполненных всем богатством наших переживаний.

Содержание

Введение	5
Смыслообразующая функция психологического контекста[1]	7
Диалектика Выготского: внечувственная реальность деятельности	11
Предисловие	11
Введение	12
Глава 1	17
1.1. Диалектическая методология Л.С.Выготского	17
Психология должна стать диалектической психологией	17
Основа концепции Выготского – учение Гегеля о простом начале	18
Методология Выготского изложена им в «историческом смысле психологического кризиса»	18
Антиэмпиризм Выготского	19
Движущая сила развития науки – противоречие между первичной абстракцией и объяснительным принципом	20
Развитие единиц анализа аналогично развитию научной теории	21
1.2. Определение понятия «единица психологического анализа»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

С.М. Морозов

Номо sensum (человек смыслопорождающий)

Введение

В середине XVIII века биологи придумали для человека название «Homo Sapiens». Его автором считается шведский естествоиспытатель Карл Линней. Это название должно было подчеркивать животное происхождение и машинообразность человеческого существа. Пока главенствовала позитивистская наука, такой подход к человеку не вызывал сомнения. Но с возникновением в конце XIX века психологии как особого научного направления (В. Вундт) постепенно начал выкристаллизовываться другой подход. Сегодня мы можем его назвать экзистенциально-гуманистическим или экзистенциально-деятельностным, если принять во внимание, что культурно-деятельностная психология Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева близка по своим методологическим (принципиальным) основаниям экзистенциально-гуманистическому подходу.

В связи с возникновением такого нового взгляда на человека ученые разных направлений затеяли занятую игру, основной задачей которой стало переименование линнеевского термина в свете новых подходов. В эпоху позитивизма антропологи в основании своих классификаций разместили исключительно чувственно воспринимаемые качества человека. Так появились Homo neanderthalensis (1856) («Человек неандертальский») и Homo heidelbergensis (1897) («Гейдельбергский человек»). В XX в. эта тенденция была продолжена Эрнстом Майром (1940): Homo erectus («Человек прямоходящий»). После открытий кенийского палеоантрополога Луиса Лики появляются термины Homo habilis (1960) («Человек умелый») и Homo ergaster (1975) («Человек работающий»). Наконец, в конце XX в. появляется Homo sapiens idaltu (1997) («Человек Идалту /старейший/»).

Однако, в 30-е гг. всеобщее внимание привлек термин, предложенный голландским культурологом Й. Хейзингой (1938) Homo ludens («Человек играющий»). Уже в начале XXI в. израильский ученый Юваль Харари (2015) предложил термин Homo Deus («Человек Божественный»). Появление этих терминов трудно не сопоставить с переходом науки в свою постнеклассическую парадигму (В.С. Степин), что, в свою очередь, связано с появлением нового экзистенциально-гуманистического подхода к человеку. Если в условиях позитивно ориентированной науки попытки размещения человека в системе природных объектов предпринимались, прежде всего биологами, то с появлением концепции Хейзинги классификационный вектор сместился в направлении философско-психологического осмысления специфики человеческого существования.

Автор этого сборника на протяжении нескольких десятилетий с большим интересом занимался познанием замечательной психологической теории, созданной отечественными исследователями. Основателями этой концепции являются Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, хотя можно было бы привести множество имен их последователей не только в СССР и современной России, но и во многих других странах. Неожиданно для себя я обнаружил, что культурно-деятельностная психология подводит нас к совершенно новому взгляду на человека, ко взгляду, в соответствии с которым человек – существо, главной функцией которого является порождение новых смыслов. Соответственно, логика нашего исследования естественным образом заставляет продуцировать новый термин, характеризующий человека – Homo sensum, т. е. Человек смыслопорождающий.

Я решил, что было бы не вредно предложить читателям XXI века несколько своих работ, расположенных в хронологическом порядке. Эти работы последовательно обращаются к основным концептам авторов культурно-деятельностной психологии и подводят нас к новому видению человека. Разумеется, этот замысел далек от своей завершенности. Это – скорее, пунктир, позволяющий наметить новый путь не только исследования человека, его внутренних составляющих и тенденций дальнейшего становления. Но, как мне сегодня представляется, именно здесь – в уходе от позитивистского взгляда на человека и в переходе к экзистенциальному его осмыслению – лежит магистральный путь к развитию современной цивилизации, к ее уходу от тех опасностей, о которых сегодня так много говорят и пишут.

За исключением отдельных технических поправок, тексты всех приведенных в этой книге работ оставлены без изменений. Список использованной в работах разных лет литературы выведен отдельно в конце сборника. Исправлены замеченные опечатки.

Я с радостью приму отзывы и замечания, которые читатели отправят мне по адресу stanmor@yandex.ru

С.М. Морозов, 2018 г.

Смыслообразующая функция психологического контекста¹

В последние годы возрос интерес психологов к проблеме значения в ее новом аспекте. Если в работах Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева категория «значение» занимала достаточно почетное место, но ее психологический статус был завуалирован другими проблемами, то сегодня именно наполнение понятия «значение» психологическим содержанием становится главной целью целой группы исследователей (см. Байрамов, Мухтаров, 1978; Мухтаров, 1981; Петренко, 1983; Шмелев, 1983). Попытка психологического рассмотрения значения неизбежно приводит исследователя к необходимости рассмотреть проблему контекстности, т. е. проанализировать условия, требующиеся для перехода психологического значения в психологический смысл.

Как правило, проблема контекста рассматривается в русле языковедческих направлений. Сама этимология слова «контекст» указывает на источник его происхождения. Текст, некоторое языковое выражение является тем объективным явлением, по отношению к которому употребляют обычно это понятие. В данной статье мы хотим показать, что свойство контекстности не является исключительным достоянием языковых реалий, но релевантно деятельности человека, включающей в себя, как известно, наряду с языком, множество других форм своего проявления.

Общепризнанной является интерпретация контекста как смыслообразующего фактора. Вместе с тем, зачастую при рассмотрении этой функции контекста не делается разведение понятий «значение» и «смысл». Эти термины употребляются через запятую – так, словно за ними стоят абсолютно тождественные реальности. Правда, такое формальное описание иногда вступает в противоречие с содержательно проводимым разведением данных категорий. Например, А.Ф.Лосев (1982) утверждая, что «всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков» (там же, с. 59), не может не отметить, что «даже если мы возьмем знак в его полной изоляции от его контекста..., то и в этом случае знак... тоже будет иметь свое значение» (там же, с. 61). Таким образом, следует различать значение знака, всегда ему присущее, и «полноценную значимость», которую знак приобретает лишь в контексте. Именно эту последнюю мы называем смыслом знака.

Разумеется, для человека осмысленными являются не одни только речевые знаки. Любое реальное явление может считаться личностным образованием лишь постольку, поскольку оно приобретает для данного субъекта смысл. Смысл некоторого явления по определению является характеристикой любого субъективного (личностного) образа, представления. Осмысленными являются понятия, идеи, убеждения – любое проявление субъективной реальности.

Каковы же те условия, которые позволяют тому или иному явлению стать осмысленным? Во-первых, необходимым условием формирования смысла является существование некоторого целостного образования, частью которого является данный объект. Предметы и явления, с которыми соотносится смыслозадающий объект, образуют его контекст, уточняют его значение, т. е. способствуют формированию смысла.

¹ Эта статья никогда не была издана и сохранялась до сих пор только в виде текста, задепонированного в далеком 1984 г. Возможно, после известного пожара ее нет и там. И я никогда не стал бы возвращать ее к жизни, если бы не обнаружил, что некоторые современные авторы обращаются к этому моему тексту. Видимо, этот интерес у них пробудил Д.А.Леонтьев, подробно изложивший содержащиеся в моем тексте идеи в своей книге «Психология смысла» (1999). В связи с этим у меня возникли подозрения, что все последующие авторы не утруждают себя поисками в архивах ВИНТИ, а обращаются к тексту книги Леонтьева. Чтобы облегчить жизнь коллегам, я и решил воспроизвести этот текст, тем более, что он оказался довольно удачным введением к общей идее, положенной в основу этого сборника.

Какую бы сферу человеческого бытия мы ни рассмотрели, везде обнаруживают себя контекстные характеристики объектов. Так, например, человек, взаимодействующий с предметом труда, не может не учитывать особенности более широкой ситуации, в которую входит данный предмет: трудно представить себе летчика или космонавта, который ориентировался бы только на показания данного конкретного прибора и не учитывал бы при этом остальные характеристики управляемого объекта. В процессе общения мы неизбежно опираемся на сложившуюся систему отношений в данном коллективе и к данному индивиду. В ходе обучения новые факты и закономерности обязательно должны усваиваться обучаемым как элемент целостной системы научных знаний, функция контекста в сфере искусства общепризнанна и не требует доказательств.

Важное значение имеет не только непосредственный контекст (то, что непосредственно изображено на картине, в скульптуре, описано в книге, окружает предмет), но и отдаленный контекст, казалось бы не связанный с адекватностью усвоения объекта. К такому отдаленному контексту относятся, например, особенности личности художника, исторический колорит эпохи, в которую создавался тот или иной предмет, орудие труда, информация, на первый взгляд лишь косвенно связанная с функционированием объекта.

Такое объект-объектное взаимодействие является необходимым, но не единственным контекстуальным фактором. Еще одним таким фактором является внутренний мир субъекта, его система («структура») личности. Вступая во взаимодействие с субъективной реальностью, образующей личность, психические образования приобретают неповторимый смысловой оттенок, характерный для данной личности. Такое субъект-субъектное взаимодействие, т. е. взаимодействие «элементов» данной личностной (смысловой) системы, играет ведущую роль в придании смыслу уникальности.

Роль субъект-субъектного взаимодействия ярко проявляется при восприятии произведений искусства. Автор вкладывает в свое творение содержание, соответствующее авторскому пониманию рассматриваемого в произведении объекта. Искусство, являющееся процессом проявления и выражения авторских смыслов, содержит в своих произведениях настолько размытое значение, что это дает повод говорить даже о том, что самому автору неясен смысл произведения, и (в отношении литературы) «всякое литературное произведение не существует без читателя: читатель его воспроизводит, воссоздает, выявляет» (Выготский, 1968, с. 345). Поскольку в художественном произведении зафиксирован смысл его автора, возникает проблема, по терминологии Л.С.Выготского, «двух невыразимостей» (там же, с. 356/. Первая – это невыразимость самой идеи художественного произведения, «ее неуловимость для слова». Вторая – это «невыразимость собственного впечатления» интерпретатора: читателя, зрителя, слушателя и т. д. «Две невыразимости» накладываются одна на другую, приводя иной раз к существенным расхождениям в интерпретациях художественного произведения самим автором и сторонним наблюдателем. Существование таких расхождений, разночтений иногда служит в качестве основания для утверждений, будто понимание произведения автором «есть не больше, как одно из... множества возможных, нисколько не обязывающее» (там же, с. 343/. Разумеется, произведение искусства является носителем авторского смысла, но это не значит, что интерпретатор (читатель, зритель, слушатель) обязан понимать произведение так, как это делает автор. Даже если авторское понимание произведения близко пониманию интерпретатора, смысл произведения для последнего всегда индивидуален, личностно окрашен.

Проблема психологического контекста не ограничивается лишь указанными факторами. Сами по себе перечисленные контекстные формы не могут привести к построению смысловых образований. Формирование смысла возможно только при условии взаимодействия субъекта с объектом, т. е. в процессе деятельности. Причем субъектно-объектное взаимодействие не только само по себе является условием формирования смысла, но и необходимо для того, чтобы смогли осуществиться объект-объектное и субъект-субъектное взаимодействие.

Деятельность выступает в качестве процесса саморазвивающегося по внутренне присущим ему закономерностям. В процессе деятельности субъект отражает признаки и свойства объектов и явлений. Совокупность действий, направленных на определенное явление (объект, событие) образует «узор» деятельности, которым как бы кодируется в деятельности данное явление. Причем этот «узор» строго индивидуален, поскольку он определяется взаимодействием всей совокупности факторов окружающей среды. Этот индивидуальный, единственный «узор», посредством которого объект кодируется в деятельности, и является смыслом данного объекта. Это – смысл явления для субъекта или «для-себя-смысл».

Смысл всегда субъективен. В процессе своей актуализации в деятельности он должен объективироваться и таким образом превратиться в значение. «Для-себя-смысл» в процессе деятельности превращается в объективированный «в-себе-смысл» (в значение), а значение приобретает форму объекта в субъекте. Иными словами, значение в отношении субъекта выступает как «вещь в себе», а смысл – как явление «вещи в себе» субъекту. Можно сказать, что в отличие от индивидуального смысла, значение является «интегральным системным качеством» (см. Кузьмин, 1982б).

«Узор» деятельности, несущий данный смысл, отражает не только опыт субъекта и окружающий его во время взаимодействия мир. Разумеется, взаимодействие в большой степени определяется самим объектом, и эта «объективная» часть «узора» – его стержень, ядро, на которое наслаиваются линии, связанные с субъективным опытом и воздействиями среды. Объект является субъекту теми или иными своими сторонами и в форме явления фиксируется в деятельности субъекта. Но во всех проявлениях объекта содержится его сущность, составляющая большую или меньшую часть явления объекта субъекту. Следовательно, в деятельности наряду с изменчивым, «являющимся» должно фиксироваться и неизменное, сущностное объекта. Если бы сущностным аспектом объекта не фиксировался, не существовала бы деятельность, адекватная глубинным, существенным качествам предметов. Являясь носителем сущности, значение выступает в виде «общего для всех» содержания смысла.

Всеобщность значения вовсе не следует понимать в метафизическом смысле, как показатель абсолютной неизменности значения. Скорее можно говорить об абсолютной его изменчивости. Но в данном случае нас интересует другой аспект, который проявляется посредством отмеченной характеристики значения. Дело в том, что всеобщность непосредственно связана с социальной природой значения. Если бы жизнедеятельность осуществлялась бы внеобщественным индивидом, то значение как носитель всеобщего не существовало бы. Только социальная сущность человека требует выделения всеобщего в форме значения. Если бы каждый человек обладал абсолютно индивидуальными смыслами конкретных объектов, т. е. если бы смыслы одного и того же объекта у субъектов не имели бы ничего общего, то эти два субъекта не смогли бы осуществить общение друг с другом в отношении данного объекта. Для общения необходимо определенное взаимопонимание. В свою очередь понимание требует наличия общих компонентов в составе соответствующих субъективных образований. Такие общие компоненты обязательно присутствуют в индивидуальных «узорах» деятельности и представляют собой значение данного объекта. «Возможность передавать другому свой опыт и свои мысли предполагает, что у него уже были подобный опыт и мысли, которые теперь мы представляем ему в иной взаимосвязи и задаем ему связать таким способом, какой мы ему указываем; эта возможность предполагает способность в самих себе вызывать такого рода деятельность, которую описываем мы ему» (Гегель, 1970, с. 203).

Отсюда становится понятно, почему категории «значение», «смысл», «контекст» традиционно рассматриваются в качестве лингвистических понятий. Ведь значение, как сказано выше, является «продуктом» общения. Главным же средством общения для человека служит речь. Вместе с тем, речь – далеко не единственный способ общения. Для человека такими способами могут служить мимика, пантомимика, жестикуляция. Велика в этом отношении роль

предметной деятельности (в первую очередь труда). Все это говорит в пользу расширенного толкования рассматриваемых понятий.

Значения составляют содержания языка человека, слов. Когда мы вступаем в процесс общения, мы выражаем в слове смысл, т. е. предполагаем, что произносимое или записанное нами слово полностью отражает весь деятельностный «узор» данного субъективного смысла. Однако на деле слово «пробуждает» у собеседника его собственный, индивидуальный смысловой «узор», в котором общей с нашим смысловым «узуром» является та его часть, которую мы назвали значением. Таким образом, каждый из общающихся индивидов выражает в слове и вкладывает в воспринятое слово свой смысл. Но в двух смыслах общающихся лиц есть общая часть – значение этого слова, – и только благодаря наличию такой общей части мы понимаем друг друга. И в этом случае носителем значения можно считать слово. «Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего такого, что не есть всеобщее. То, что я только хочу сказать, то, что мнится мне, есть мое, принадлежит мне, как этому особому индивидууму; но если язык выражает только всеобщее, то я не могу сказать того, что только мне мнится» (Гегель, 1974, с. 114). В этом плане процесс понимания аналогичен переводу с одного языка на другой, понимаемому как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» (Бархударов, 1975, с. 11). На этой основе раскрывается общность таких проблем, как машинный перевод и разработка диалоговых систем «человек – ЭВМ», их психологическая идентичность. Очевидно, обе проблемы предполагают решение вопроса о контексте. Конкретным проявлением указанного соотношения между смыслом и значением является, например, известный опытным лекторам факт, состоящий в том, что «аудиторию способны увлечь идеи, а не слова, мысль, а не фраза» (Агитатор..., 1978, с. 142).

Важным моментом в представленной интерпретации значения и смысла является вопрос о соотношении их объемов. В контексте предлагаемого подхода можно утверждать, что значение является частью смысла. Не вызывает сомнения, что контекст уточняет, специфицирует значение, благодаря чему последнее приобретает свойства смыслового образования. Вопрос, однако, состоит в том, чтобы уяснить, в чем состоит подобная спецификация. Могут существовать два типа спецификации. С одной стороны, можно провести уточнение путем указания на часть некоего целого, путем выделения такой части. Вторым способом спецификации является конкретизация, т. е. присвоение психическому образованию дополнительного содержания. Именно таким образом некоторое значение приобретает статус смысла. Смысл является поэтому более широким психологическим образованием – ведь посредством контекста он вступает в новые отношения с большим количеством других психологических образований. Как отметил Л.С.Выготский, «значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная» (Выготский, 1956, с. 369).

В заключение следует уточнить терминологический аспект данной проблемы. Понятие «контекст» имеет давнее языковедческое происхождение и прочно устоявшееся содержание. Предложенная в данной статье интерпретация контекстности существенно расширяет привычные представления – расширяет настолько, что, пожалуй, требует введения нового термина. По крайней мере, следует различать обычный лингвистический термин «контекст» и тот психологический контекст, о котором шла речь в данной статье.

Диалектика Выготского: внечувственная реальность деятельности

Предисловие

Судьба психологических идей Льва Семеновича Выготского была и остается, как известно, непростой. Он прошел не только «огонь» и «воду», но и «медные трубы» – сейчас, пожалуй, не найти – и не только в российской, но и в зарубежной психологии – другого столь обильно (и обычно более чем сочувственно) цитируемого ученого. Литература о Выготском множится из года к году, и с каждым годом, к сожалению, научный облик Л.С. становится все более расплывчатым – каждый автор лепит этот облик по собственному образу и подобию, вырвав для этого отдельные мысли и высказывания Льва Семеновича и не обращая внимания на систему этих мыслей и ее внутреннее развитие.

С.М.Морозов поставил перед собой задачу, которая – в свете сказанного – сейчас стала особенно актуальной: вернувшись к самому Выготскому, раскрыть свойственную ему методологию психологического анализа (и онтологию предмета психологии). Мне представляется, что эта задача в книге решена, и решена успешно. Автору удалось обеспечить в своем тексте необходимую степень «остранения», объективизации, и поэтому в то, что он пишет о Выготском, охотно веришь.

У книги С.М.Морозова есть и еще одна особенность, в чем-то объединяющая его – *horribile dictu* – с самим Выготским. Это способность абсолютно спокойно, уверенно и профессионально оперировать материалом различных отраслей знания (впрочем, без такой способности за книгу о Выготском, наверное, не стоило и садиться).

Как мне кажется, книга Морозова очень полезна для студента-психолога, стремящегося не просто «выучить», а понять Выготского. А таких студентов становится все больше и больше.

Хотелось бы, чтобы то же можно было бы, наконец, сказать и про тех, кто пишет о Выготском...

А.А.Леонтьев

Введение

*Имея конец пути, можно легче всего понять и весь путь в целом,
и смысл отдельных этапов.
Л.С. Выготский*

В конце XIX столетия наука подошла к рубежу, за которым начиналось «исчезновение бытия». Аналитические методы расчленили живое целое на мельчайшие «атомы», изгнав из науки саму жизнь. «Сложные образования и процессы разлагались при этом на составные элементы и переставали существовать как целое, как структуры. Они сводились к процессам более элементарного порядка, занимающим подчиненное положение и выполняющим определенную функцию по отношению к целому, в состав которого они входят. Как организм, разложенный на составные элементы, обнаруживает свой состав, но уже не обнаруживает специфически органических свойств и закономерностей, так и эти сложные и целостные психологические образования теряли свое основное качество, переставали быть самими собой при сведении их к процессам более элементарного порядка» (Выготский, 1983а, с. 7).

Отказавшись от души, как предмета метафизического и чувственно непостижимого, многообразные психологические школы стали наперебой предлагать свои решения проблемы. Даже интроспекционисты предметом своего исследования считали только то, что дано нам нашими органами чувств².

Итогом всепроникающего эмпиризма стал известный кризис, охвативший психологическую науку. Философы заговорили о необходимости преодоления парадигмы интеллектуализма, о возвращении к «жизни духа»: «Высшей судебной инстанцией в делах познания не может и не должна быть инстанция рационалистическая и интеллектуалистическая, а лишь полная и целостная жизнь духа» (Бердяев, 1989, с. 28).

Впрочем, кризисные явления можно было обнаружить и в традиционных естественных науках. Проблема разведения фенотипических и каузальных понятий (Левин, 2001) нашла свое проявление в возникновении генетики и квантовой физики. Но в физике и биологии существовал чувственно-воспринимаемый предмет исследования. У психологов такого предмета не было.

Так было в начале прошлого века, когда Выготский заявил: психология смешивает бытие и явление. Словно заклинание воспроизводит он цитату из Маркса: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (Маркс, Энгельс, 1963, с. 384; см.: Выготский, 1982а, с. 141, с. 413; Выготский, 1982б, с. 223; Выготский, 1983а, с. 98; Выготский, 1983б, с. 154; Выготский, 1984а, с. 73). Изучая явление, все психологические школы считают его предметом своего исследования, в то время как предмет психологии на самом деле лишь феноменологически дан нам в чувственном восприятии. Психология лишь на основании «кажимости» должна делать выводы о бытии. Поэтому она в принципе не может быть эмпирической наукой (то есть наукой, изучающей чувственно данные объекты). Необходима особая теоретическая психология, которая только и может быть общей психологией, построенной на базе диалектического материализма, то есть психология может быть только психологией диалектической. Основой системы взглядов Выготского выступала диалектическая идея. Все остальные теоретические конструкты – в том числе и тезис о куль-

² «Своим пониманием интроспекции Вундт зафиксировал элементаризм и сенсуализм, и в дальнейшем интроспекционизм в своих лабораториях неизменно обнаруживал сенсорные элементы, поскольку они были результатами «хорошего» наблюдения» (Боринг, 2002, с. 32).

турно-историческом³ развитии человека и его психики – носили подчиненный характер по отношению к этой основной идее. Об этом, собственно, и пойдет речь в этой книге.

Авторы статьи, опубликованной в 1981 г. (Лучков, Певзнер, 1981), подчеркивая, что творчеству Л.С.Выготского посвящены всего лишь одна книга (Брушлинский, 1968) и одно диссертационное исследование (Радзиховский, 1979), призвали поддержать призыв А.В.Петровского (1967) посвятить Выготскому не одну историко-психологическую монографию, дабы «вернуться к Выготскому (или вернуть Выготского)» (Лучков, Певзнер, 1981, с. 61).

За прошедшие десятилетия многое изменилось. Статьи, монографии, диссертации, содержащие анализ психологической системы Выготского, исчисляются десятками, а может быть, и сотнями. Кажется, к сказанному добавить уже нечего. И все же идеи «Моцарта в психологии» (Тулмин, 1981) привлекают все новых и новых исследователей.

Споря о том, кто же такой Выготский – символист или бихевиорист, интроспекционист или когнитивист, психолог, культуролог или методолог – психологическое сообщество так и не смогло придти к однозначному выводу. Главная причина подобного положения видится в фундаментальности самой теории Выготского, ее принципиальной несводимости к тому или иному стереотипу, к той или иной из существующих в современной психологии схем.

Если мы попробуем проанализировать отдельные «куски» психологической системы Выготского – статьи, книги и даже целые теоретические построения, созданные в разные периоды времени, – то неизбежно придем к выводу о его «ориентации» на одну из известных нам теорий. При рассмотрении статей Выготского, опубликованных в 1924–25 гг., может показаться, что истоки его теории – в бихевиоризме. В то же время, «надо обладать удивительным воображением, чтобы распознать в авторе «Психологии искусства» (1925) бихевиориста» (Мещеряков, Зинченко, 2000, с. 114). «Мышление и речь» писал психолингвист, причем придерживающийся «конвергенционизма» в четвертой главе и поэтики – в седьмой⁴.

Из сказанного можно сделать два вывода. Либо Лев Семенович Выготский на протяжении своего непродолжительного творческого пути с легкостью менял свои научные взгляды. И тогда удивительным выглядит интерес, который проявляют к нему серьезные психологи. Либо существуют изъяны в методологии «выготсковедения». А это означает, что необходимы новые попытки разобраться в принципах построения теории Выготского.

Анализ той или иной концепции может быть проведен на основании различных методологических установок. Можно, в частности, выделить три способа интерпретации концепций: а) в соответствии с одной установкой «внутриконцептуальной» позиции «интерпретатор видит свою задачу в том, чтобы достроить здание концепции, не завершенное, по его мнению, автором»; б) с точки зрения «надконцептуальной» позиции, «ценностью для исследователя-интерпретатора будет сохранение (точнее восстановление) целостности реконструируемого мира концепции, завершенного по замыслу, хотя, возможно, и не достроенного в деталях»; в) «при

³ Термин – «культурно-историческая теория Л.С.Выготского» – приобрел с годами устойчивый характер. Однако, имеется ряд аргументов, заставляющих терминологически отграничить теорию Выготского от иных культурно-психологических подходов современной психологии. Теория (и методология) Выготского, на наш взгляд, существенно отличаются от всего, сделанного до (и после) него. Иногда исследовательская программа, осуществлявшаяся Выготским и его единомышленниками в 1926–28 гг. (см.: А.А.Леонтьев, 1983), принимается как главное достижение Выготского и его научной школы. В то же время, в современной российской психологии, прежде всего усилиями А.Г.Асмолова (2001; 2002) и В.П.Зинченко (1996а;б; 2000), формируется культурно-историческая психология, которая, безусловно, базируясь на идеях, высказанных Выготским, содержательно выходит далеко за пределы теоретических конструкций, им созданных. Кроме того, в современной психологии (европейской и североамериканской) существует культурно-историческая школа, некоторые положения которой отличаются от принципиальных представлений Выготского (см.: Дорфман, 2001, с. 21–23). Поэтому в данной работе мы предпочитаем употреблять термин «психологическая система Л.С.Выготского», считая понятие «культурно-историческая теория» не столь определенным, как это было несколько десятилетий назад.

⁴ Дж. Верч утверждает, что главы 5 и 6 «Мышления и речи» различаются тем, что в них принимается в качестве движущих сил развития: «продвижение» от «комплекса» к понятию или возникновение понятий в общественно обусловленной деятельности (Верч, 1996, с. 60).

«межконцептуальной» позиции происходит критика фрагментов концепции под углом зрения возможности включения их в собственную теорию» (Постовалова, 1982, с. 7).

Вряд ли полноценный анализ может быть основан только на одном из перечисленных (или любых других) подходов. В то же время, та или иная преобладающая методологическая установка, «позиция», придает исследованию специфическую окраску. Используя описанную выше терминологию, можно сказать, что наш анализ прежде всего осуществляется с «надконцептуальной» позиции. Мы хотим, прежде всего, восстановить из сложной психологической системы одного из выдающихся мыслителей XX века главную линию и основное методологическое звено его исследований. Безусловно, в этом анализе будут представлены и элементы интерпретации с «внутриконцептуальной» позиции – в силу ряда причин система взглядов Выготского не может считаться завершенной. Наконец, трудно требовать от любого исследования, чтобы в нем отсутствовало влияние собственных взглядов автора⁵, его теоретических построений. Более того, такое требование абсурдно – одним из критериев научности является оригинальность излагаемого. Поэтому нельзя исключить из данной работы моменты «межконцептуального» анализа. Однако, в первую очередь, повторю, в ее основании – надконцептуальный анализ.

В этой связи можно вспомнить слова Г.Г.Шпета, сказанные по поводу метода, который он использует, анализируя теорию Гумбольдта. Шпет, по его собственному утверждению, «ищет только уразумения смысла высказанных Гумбольдтом идей и диалектического истолкования их, сперва в общем идейном контексте его времени (включающем в себя, само собой разумеется, как составную часть и всю предшествующую идейную историю), а затем и последующего времени, вплоть до определения места его идей в современном научно-философском мышлении... Выводы интерпретации здесь могут и должны идти дальше того, что *explicite* заявлено самим автором, они могут даже вступить в видимое противоречие с открытыми заявлениями автора, но их оценка и критика может и должна иметь в виду только одно: признание внутренней плодотворности или пустоты самих идей и чисто логическую возможность интерпретативных выводов» (Шпет, 1996, с. 74).

Похожий метод применял А.Ф.Лосев, исследуя систему философских воззрений Платона. Вот как он излагал построение своего метода: «Мы должны рассмотреть каждый диалог Платона в отдельности и относительно каждого диалога решить вопрос: что он дает в смысле учения об идеях? А этот вопрос в свою очередь связывается с другими вопросами: в каком отношении, в каком логическом отношении этот результат данного диалога стоит к результатам всякого другого диалога? Ясно, что мы сразу же наталкиваемся на необходимость какого-то сравнения этих результатов и, след., какой-то их классификации. Эта классификация, конечно, не должна быть чисто формальной. Мы должны все время помнить, что перед нами – живое философствование живого человека и что, след., ему принципиально свойственен какой-то единый одухотворяющий центр, от которого и расходятся лучи – разной силы и разного смысла – по разным направлениям. Строго говоря, это уже не будет никакой «классификацией», ибо всякая классификация неизбежно статична и формальна. Но зато это было органической диалектикой философского развития Платона, органической диалектикой его системы. Мы изучаем каждую мысль Платона отдельно; смотрим, как оценивает ее тот или иной исследователь; объединяем эту мысль с другой мыслью; смотрим, какой из прочих мыслей Платона она больше соответствует, получается ли что-нибудь целое из объединения разных мыслей или не получается, и если получается, то какое именно целое, с каким смыслом, значением и структурой» (Лосев, 1993, с. 290–291).

⁵ Когда известного русского историка, профессора Московского университета Т.Н.Грановского обвинили в том, что история служит ему только для высказывания своего воззрения, он отвечал оппонентам: «Это отчасти справедливо, я имею убеждения и провожу их в моих чтениях; если б я не имел их, я не вышел бы публично перед вами для того, чтобы рассказывать, более или менее занимательно, ряд событий» (см.: Герцен, 1969, с. 464).

В настоящем исследовании предпринята попытка разобраться в том, «какое именно целое, с каким смыслом, значением и структурой», представляет собой система психологических взглядов одного из величайших психологов XX столетия Льва Семеновича Выготского. Среди современных концепций сходный методологический подход видится в логико-семантическом анализе концепции Выготского, проведенном Б.Г.Мещеряковым. Цель этого исследования, как ее формулирует автор, «состояла в том, чтобы выявить и привести в систему понятийно-терминологический аппарат концепции Л.С.Выготского» (Мещеряков, 2000, с. 6).

Вместе с тем, представленный нами метод имеет существенное отличие. До сих пор исследования творчества Л.С.Выготского проводились без учета фактора развития теоретических построений этого мыслителя. Поэтому, как нам представляется, существует известная разногласия в оценке его теории. Выготского называют бихевиористом, символистом, интроспекционистом (Чеснокова, 2000); в 30-е годы его называли агентом империализма, сегодня обвиняют в большевизме. Известны утверждения, в соответствии с которыми Л.С.Выготский – не психолог, а то ли искусствовед, то ли методолог науки.

Мнение автора состоит в том, что подобная разногласия, редко встречающаяся в истории науки, не может быть вызвана случайной причиной. Необходимо найти фактор, определяющий систематичность подобного многообразия мнений. Мне кажется, таким системообразующим фактором является «временная ось», на которой располагаются теоретические концепты в системе Л.С.Выготского.

Как отмечалось в психологической литературе, в творчестве Выготского можно выделить несколько этапов (см.: Брушлинский, 1968; Радзиховский, 1979; А.Н.Леонтьев, 1982; Ярошевский, Гургенидзе, 1982; Эльконин, 1984; Ярошевский, 1996; А.А.Леонтьев, 2001). Временные границы этих этапов не вполне четки, но наличие концептуальных узлов в работах Выготского позволяет достаточно уверенно назвать основные годы, соответствующие этим этапам. Примерно до 1927 года научная деятельность Выготского направлена на определение своего отношения к существующей системе психологических точек зрения. Данный этап прежде всего характеризуется критическим осмыслением основных принципов поведенческой психологии и завершается созданием работы «Исторический смысл психологического кризиса». Период с 1927 до 1931 года, когда Выготский обратился к проблемам, рассмотренным им в «Истории развития высших психических функций», связан с разработкой основных положений культурно-исторической теории. Наконец, последний период посвящен созданию теории речевого мышления, которая наиболее полно изложена Выготским в работе «Мышление и речь». Пожалуй, к перечисленному вполне можно добавить самый ранний этап в психологическом творчестве Выготского, когда в центре его внимания находились литературоведческие вопросы. Итогом этого периода стала работа Выготского «Психология искусства».

Наличие такой периодизации позволяет предполагать, что каждый этап развития теории Л.С.Выготского определяется особой целью. Однако, не менее логичным может быть предположение о том, что каждая из этих подцелей определяется, в свою очередь, некоторой общей и основной идеей. Здесь уместно припомнить слова Н.А.Бердяева: «Я прошел длинный философский путь. В нем были разные периоды. Внешне могло быть впечатление, что мои философские взгляды меняются. Но первые двигатели у меня оставались те же. И многое, что было в начале моего философского пути, я вновь осознал теперь, после обогащения опыта мысли всей моей жизни» (Бердяев, 1999, с. 74).

В качестве еще одного примера приведем высказывания К.А.Абульхановой-Славской о творческом пути С.Л.Рубинштейна: «Уникальность научной судьбы С.Л.Рубинштейна порождает вопрос: существует ли единое логическое основание, основная идея, интегрирующая все его творчество? Уже в марбургской диссертации, затем в неопубликованных рукописях 20-х годов и, наконец, в работе «Человек и мир» мы находим принципиальные разработки не только общепсихологических проблем, но и проблем этики, эстетики, методологический анализ теории

относительности Эйнштейна. Интегрирован ли внутренне этот широчайший круг исследований?» – задает вопрос К.А.Абульханова-Славская (1989, с. 10). И сама дает ответ: «Сравнение ранних философских исследований С.Л.Рубинштейна, охватывающих период до 30-х годов, с основными идеями, решением определенного круга проблем и даже формулировками книги «Человек и мир» приводит к поразительному открытию. Мы обнаруживаем иногда почти буквальное текстуальное и всегда – контекстуальное совпадение в формулировке проблем. А вместе с тем и по складу личности, и по характеру рассматриваемых проблем предположение о простом восстановлении ранних рукописей в последнем труде исключается. Совпадения формулировок ранних и поздних работ являются свидетельством не блестящей памяти или кропотливой архивной работы С.Л.Рубинштейна (он никогда не прикасался к ранее написанному, избегая и всяческих архивов), а непрерывности философского исследования, философского размышления С.Л.Рубинштейна. Если в рукописях 20-х годов он выдвигает философскую онтологическую систему, то в завершающем труде жизни – книге «Человек и мир» – дает ее разработку и методологическое фундирование для всего гуманитарного знания» (там же, с. 12).

Из сделанных замечаний следует вывод: мы не сможем адекватно интерпретировать систему взглядов того или иного исследователя – в том числе, разумеется, и Л.С.Выготского, – если не будем учитывать ее развитие.

Фраза, вынесенная в начало этой книги как эпиграф, была написана Л.С.Выготским в его работе «Исторический смысл психологического кризиса». К сожалению, ее смысл редко относится современными исследователями к психологической системе самого Выготского. Может быть, в противном случае не было бы столь контрастных оценок его творчества: в начале был бихевиористом – в конце стал символистом, а может быть, в начале был символистом, а в конце стал когнитивистом. На наш взгляд, методология Выготского, которую можно понять, только охватив всю его психологическую систему, в то же время является логическим истоком конкретно-психологических построений Льва Семеновича. Поэтому логичным представляется увидеть в методологических построениях Выготского элементы его конкретно-психологических воззрений. А это станет возможно, только если рассматривать отдельные части теоретической конструкции Л.С.Выготского сквозь призму его общего методологического подхода.

Глава 1

Марксистская философия в психологической системе Л.С. Выготского

1.1. Диалектическая методология Л.С.Выготского

Психология должна стать диалектической психологией

В последние годы общим стало утверждение, в соответствии с которым теория Л.С.Выготского служит образцом неклассической психологии. Однако, не существует единого мнения относительно того, что такое эта самая «неклассичность». А.А.Пузырей (1986) предложил считать таким признаком введение Выготским психотехнической парадигмы. Д.Б.Эльконин (1989) признаком неклассичности теории Выготского считал его концепцию идеальной формы. В.П.Зинченко (1996б) – единство бытия-сознания. Представляется, что эти и подобные им утверждения, выражая дух теории Выготского, являясь экстраполяцией его идей, в то же время, далеки от «буквы» его психологической системы. Ближе к взглядам самого Выготского позиция, предложенная А.Г.Чесноковой (2001): неклассичность теории Выготского состоит в его направленности на построение диалектической психологии.

Лев Семенович начинает свои психологические исследования в годы активного проникновения марксистской идеологии в советскую науку. Мы не будем вдаваться в подробности вопроса: кто из советских психологов и насколько искренно следовал принципам и догмам диалектического материализма. Однако, нельзя не сказать, что отмеченное проникновение диамата в психологию постреволюционной России не было столь прямолинейным, как это часто трактуется в современной исторической науке.

На самом деле, распространение марксизма в Советском Союзе происходило как бы по двум направлениям. Большая часть философов, психологов, обществоведов, уверовав в истинность «основного закона» философии, принялась отстаивать принцип первичности материи по отношению к сознанию.

Другая группа исследователей (их было значительно меньше и именно их вслед за А.В.Брушлинским (2000) можно назвать «андеграундом диамата»), восприняла в марксизме, прежде всего диалектическую методологию, в основании которой, как хорошо известно, лежала философская система Гегеля. В наши дни жарких дебатов по поводу роли и места марксистской философии в развитии советской психологии, хотелось бы привести один аргумент в защиту диамата. Работы Маркса, Энгельса, Ленина явились тем мостиком, благодаря которому советские исследователи знакомились с гегелевской методологией. Вряд ли разумным может выглядеть в данной ситуации аргумент – марксисты исказили и переврали Гегеля – вот если бы не марксисты, мы давно бы знали великого философа по его собственным сочинениям, а не по «перевернутому» Марксом и Энгельсом диалектическому материализму. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Трудно сказать, что было бы, если бы в сочинениях марксистов не присутствовали бы постоянные ссылки на Гегеля. Факт остается фактом: советские психологи диалектику учили не по Гегелю. Но учили! Недаром в современной российской психологии все более отчетливо звучит мнение, в соответствии с которым «сейчас, когда с философских работ Маркса наконец снята чуждая им функция универсального и единственно истинного Учения, стала возможной непредвзятая оценка как их неизбежной ограниченности, так и их чрезвычайной эвристичности для разработки ряда конкретных проблем философии и психологии человека» (Леонтьев, 1997, с. 158), – и появляются попытки

не предвзятого анализа влияния марксистской философии на развитие советской психологии (Гордеева, 1997) и, в частности, теории Л.С.Выготского (Гордеева, 1996).

В работах Выготского очень мало цитат из сочинений Гегеля. Зато есть множество ссылок на высказывания Гегеля, приведенные Марксом, Энгельсом, Лениным. Теперь мы можем поблагодарить их за то, что они позволили Выготскому ассимилировать в своей психологической системе философию немецкого мыслителя.

Основа концепции Выготского – учение Гегеля о простом начале

Анализируя развитие понятия, Г.В.Ф.Гегель (приравнивавший в данном случае понятие к абсолютной идее) следующим образом раскрывал свое понимание проблемы: «Понятие для своего развития не нуждается ни в каком внешнем стимуле, его собственная, включающая в себя противоречие между простотой и различием и именно потому бесконечная природа побуждает его к самоосуществлению, она заставляет его развертывать и делать действительным различие, наличествующее в нем самом только идеально, т. е. в противоречивой форме неразличенности; так приводит она к тому, чтобы посредством снятия его простоты как некоторого недостатка, некоторой односторонности сделать его действительно целым, к чему первоначально оно содержит в себе только возможность» (Гегель, 1977, с. 12). Для автора «Науки логики» понятие в форме простого начала равно бытию, и «это есть... самая начальная, наиабстрактнейшая и наибеднейшая дефиниция» (там же), поскольку бытие для Гегеля есть «ничто», «чистая абстракция» (там же, с. 220).

По мнению марксистов, учение Гегеля о «простом начале» как исходной форме развития понятия было «забыто и извращено идеализмом. А диалектический материализм один связал „начало“ с продолжением и концом» (Ленин, т. 29, с. 264). По Гегелю, сущность простого начала заключается в его непосредственности и неопределенности (см.: Гегель, 1974, с. 217). В этом определении диалектик рассматривал непосредственность и неопределенность простого начала не как следствие предикативности бытия по отношению к абсолютной идее, а, перевернув данное соотношение, говоря словами К.Маркса, с головы на ноги, рассматривал понятие как предикат бытия. В этом случае понятие превращается в способ отражения бытия в сознании, а в рассматриваемой нами частной ситуации построения предмета исследования – в способ отражения предмета в сознании исследователя. В этом случае простое начало становится для нас первичной формой такого отражения, первичной абстракцией теории. Учение Гегеля о простом начале, превращенное Марксом в метод восхождения от конкретного к абстрактному, послужило основой концепции Л.С.Выготского о единицах психологического анализа.

Методология Выготского изложена им в «историческом смысле психологического кризиса»

Для того, чтобы понять принципы построения Л.С.Выготским предмета своего исследования, мы должны, прежде всего, принять во внимание его общую методологическую направленность. Установка на создание общей психологической системы ярко проявлялась как в собственно методологических, так и в теоретико-экспериментальных работах Выготского. Все его труды методологичны по своему духу. В то же время, есть одна работа, представляющая собой методологический труд *per se*. Это – «Исторический смысл психологического кризиса». Все последующие работы Выготского также содержат в себе мощный методологический заряд. «Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории», – говорит Выготский (1982б, с. 26). Но там методология отодвигается на второй план, превращается в сцену, на которой происходит действие эмпирических фактов, эмпирика здесь опосредует опосредующее методологию.

Почему же Выготский после «Исторического смысла...» никогда больше не возвращался к попыткам «прописать» свою методологию? Ответы на этот вопрос могут быть разными. Один из них: Выготский ушел от заигрываний с бихевиоризмом, но свою методологию не создал, не завершил, не успел... Отчего же тогда современные исследователи творчества Выготского такую методологию успешно находят? Можно, вслед за некоторыми исследователями творчества Выготского, заявить, что он сам не понимал значение своих работ, не осознавал их методологической мощи.

Можно предложить еще один ответ. Выготский не возвращался после «Исторического смысла психологического кризиса» к чисто методологическим исследованиям просто потому, что методология у него уже имелась, вполне его устраивала и была изложена в названной работе. Основу же этой методологии составило учение о предмете естественнонаучной психологии.

Немаловажным в свете сказанного представляется тот факт, что свой «Исторический смысл...» Выготский писал будучи приговоренным к смерти, «ему было отпущено врачами всего несколько месяцев жизни, так как состояние его считалось безнадежным, и он это знал!» (Выгодская, Лифанова, 1996, с. 199). А.Р.Лурия вспоминал: «Л.С.Выготский написал эту работу в трагической ситуации: он был болен туберкулезом, врачи говорили, что ему осталось 3–4 месяца жизни, его поместили в санаторий... И тут он начал судорожно писать, чтобы оставить после себя какой-то основной труд» (Цит. по: Выгодская, Лифанова, 1996, с. 200). Эта работа стоит особняком в творчестве автора культурно-исторической теории. Перед лицом смерти Лев Семенович создает методологический труд такой силы, что и по сей день его имплицитное содержание остается не до конца исчерпано (вычерпано) психологией и психологами.

Антиэмпиризм Выготского

В неопубликованном при жизни автора труде ярко проявилась его антиэмпиристская позиция. Но материализм в СССР непосредственно (хотя и негласно) отождествлялся с эмпиризмом. Диалектический материализм утверждал: критерием истины служит общественно-историческая практика. Советские марксисты вместо этого подставили формулу: «практика – критерий истины». В качестве такой безусловно истинной практики был признан эксперимент.

Поэт Александр Левин предложил выразительный эпитет: «Ученый в области науки». Советские «марксисты» в области науки экспериментально получаемые факты и их обобщения посчитали истиной в последней инстанции – истиной, не подлежащей обжалованию. Выготский неоднократно высказывал точку зрения, в соответствии с которой обобщение наблюдаемых явлений не дает возможности делать окончательные выводы. Для него на первом месте стоит теоретическая позиция автора, методологический принцип, положенный в основание той или иной экспериментальной разработки.

Здесь у Выготского не было разногласий с официальной идеологией, которая однозначно требовала всеобщего подчинения марксистской философии. Диссидентство Выготского проявилось в другом. Причем, наиболее остро эти разногласия выявились в начале тридцатых годов. И вовсе не потому, что это – период наиболее ярких теоретических построений Льва Семеновича, создания им теории речевого мышления.

Главное в другом. Советский тоталитаризм вынес из гегелевской философии, принесенной марксизмом, пожалуй, только одно: «Что действительно, то – истинно». Диалектика как учение о развитии была не то, чтобы запрещена – запретить Маркса и Энгельса в 20-е и 30-е годы было невозможно. Просто не приветствовалось и не рекомендовалось уделять слишком пристальное внимание методологии развития. Не приветствовалось и не рекомендовалось

задавать вопрос «почему?» Это – опасный вопрос для любой закрытой системы. Подобная система предлагает своим элементам все ответы на все вопросы. Тем более странным должны были выглядеть попытки Л.С.Выготского создать свою собственную теорию развития высших психических функций, основывая ее не на «выдерживании» цитат из сочинений классиков, а применив диалектическую методологию. «Как это ни странно, – читаем мы у Выготского, – но идея развития до сих пор остается еще неувоенной психологией, несмотря на то, что целые ветви психологии посвящены не чему иному как изучению проблемы развития. Это внутреннее противоречие сказывается в том, что самую проблему развития эти психологи ставят как метафизики.» (Выготский, 1931, с. 10). Написано это было в 1931 году, когда, казалось бы, партия дала уже все ответы на все вопросы. Но для товарища Выготского что-то оставалось неясным. Он никак не хотел понимать, что в основе любого развития лежит классовая борьба.

Движущая сила развития науки – противоречие между первичной абстракцией и объяснительным принципом

Проведя анализ исторического смысла психологического кризиса, Л.С.Выготский вскрыл внутренние движущие силы развития науки. Такой движущей силой, по мнению Выготского, является диалектическое противоречие между главным обобщением науки, ее основным понятием и объяснительным принципом: «Всякое обобщающее понятие уже содержит в себе тенденцию к объяснительному принципу... Обобщение понятия и объяснительный принцип только в соединении друг с другом, только то и другое вместе определяют общую науку» (Выготский, 1982а, с. 301). Главное обобщение как бы придает науке смысловую окраску, является основным средством понимания научных фактов. В свою очередь, понимание предполагает установление причинной связи между фактами, т. е. понимание одновременно есть стремление к выявлению объяснительного принципа. Само развитие фундаментального понятия науки, ее главного обобщения (понимание становится возможным только как момент этого развития) предполагает отрицание обобщения посредством его преобразования в понятие-объяснение: «Тенденция к обобщению и объединению знания переходит, перерастает в тенденцию к объяснению знания» (там же, с. 300).

Первичная абстракция, «это открытие, раздувшееся до мировоззрения, как лягушка, раздувшаяся в вола, этот мещанин во дворянстве... легко лопается, как мыльный пузырь» (Выготский, 1982а, с. 304). «Новой идее, как новому дворянину, указывают на ее мещанское, т. е. действительное, происхождение. Ее ограничивают теми областями, откуда она пришла; ее заставляют проделать вспять свое развитие; ее признают как частное открытие, но отвергают как мировоззрение; и теперь выдвигаются новые способы осмыслить ее как частное открытие и связанные с ней факты» (там же).

Вполне логично распространить изложенную схему развития первичной абстракции на отдельную теоретическую конструкцию конкретного автора. Тогда противоречие между первичной абстракцией и объяснительным принципом выступает в качестве принципа, объясняющего развитие единиц психологического анализа. Однако, диалектика объяснительного принципа состоит в том, что, будучи объяснением, он одновременно предполагает существование особых внутренних процессов, механизмов, по отношению к которым выделенный принцип выполняет функцию описания. Иными словами, необходимо понять, как в недрах простого начала происходит вызревание нового содержания, в конечном итоге приводящее развивающееся образование в кризисное состояние, вслед за которым порождается новое качество.

Применительно к нашему анализу сказанное означает, что констатация наличия противоречия между первичной абстракцией и объяснительным принципом, указывая на основную закономерность развития единиц психологического анализа, все же не приводит к пониманию того, как происходит превращение первичной абстракции в объяснительный принцип. Ука-

занное противоречие представляет собой лишь общее описание по отношению к тем механизмам, которые составляют содержание процесса, проявляющегося в форме внутренней противоречивости единиц психологического анализа: подобно тому, как данная противоречивость выступает в качестве сущности, а значит и объяснения, процесса развития единиц психологического анализа, она сама, став объяснением, может и должна получить свое собственное объяснение посредством раскрытия тех процессов, по отношению к которым она выступает в форме описания, явления.

Развитие единиц анализа аналогично развитию научной теории

Единица (как понятие) является частью теории. Поэтому непосредственные причины развития единиц анализа можно обнаружить, исследуя развитие конкретной научной теории. При этом главное состоит в том, что ход исследования развития единиц анализа не определяется истинностью или ложностью конкретно-психологической интерпретации соответствующего понятия автором теории. В центре внимания должна находиться логика развития психологических понятий – то, как развивается понятие, обозначающее единицу анализа в той или иной теории, а не то, как развивается конкретно-психологическое содержание, обозначаемое данным понятием, с точки зрения автора теории.

В 1919 г. В. Шкловский писал: «Я занимаюсь в теории литературы исследованием внутренних законов его. Если провести заводскую параллель, то я интересуюсь не положением мирового хлопчатобумажного рынка, не политикой трестов, а только номерами пряжи и способами ее ткать.» (Шкловский, 1983, с. 8) Шкловского ругали (см.: Мукаржовский, 1975; Конрад, 1975а, б) за якобы предпринятый им отрыв литературного произведения от социальной действительности. В ответ Шкловский ворчал: вы сами занимаетесь не литературой, а грамматикой (см.: Шкловский, 1983, с. 125). Критики считали, что сама по себе литература не может быть исследована как самостоятельное целое. Критики Шкловского забывали, что социальное окружение, в котором только и может развиваться литература, не привносит в нее законы развития, а опосредует эти законы. Это значит, что литература развивается по своим особым внутренним законам, хотя в них и должны каким-то образом проявляться социальные закономерности.

Эту идею понял и принял Выготский, следующим образом представив соотношение движущих сил психологического кризиса: «Мы остановимся, – писал он, – лишь на движущих силах, лежащих внутри нашей науки, оставляя все другие в стороне. Мы имеем право так сделать, потому что внешние – социальные и идейные – причины и явления представлены так или иначе, в конечном счете, силами внутри науки и действуют в виде этих последних. Поэтому наше намерение есть анализ ближайших причин, лежащих в науке, и отказ от более глубокого анализа» (Выготский, 1968, с. 386–387).

«Развитие научных идей, – пишет Л.С. Выготский, – совершается диалектически. Противоположные точки зрения на один и тот же предмет сменяют друг друга в процессе развития научного знания, и новая теория часто является не прямым продолжением предшествующей, а ее диалектическим отрицанием. Она включает в себя все положительные достижения своей предшественницы, выдержавшие историческую проверку, но сама в построениях и выводах стремится выйти за ее пределы и захватить новые и более глубокие слои явлений.» (Выготский, 1982а, с. 210) Если разделить причины, под влиянием которых происходит развитие теории, на внешние и внутренние, то можно сказать, что такие детерминанты, как развитие объекта, субъективное представление автора о необходимости введения и содержательного преобразования единиц, относятся к внешним факторам развития теории, наряду с потребностями других наук, форм общественного сознания, общественно-исторической практики, новыми фактами, не поддающимися объяснению с точки зрения существующей теории. Наша задача

состоит в другом – в исследовании внутренних причин развития теории, под которыми понимаются «противоречия в самой теории или проблемы, связанные с внутренней логикой развития теоретической системы данной отрасли знания, обусловленные выполнением ею своих функций» (Выготский, 1982а, с. 176).

1.2. Определение понятия «единица психологического анализа»

В психологической литературе часто встречается термин «единица анализа», и это закономерно, поскольку «осознанное выделение единицы анализа – признак методологической зрелости того или иного направления в науке и начало систематического построения теории» (Зинченко и Смирнов, 1983, с. 83). Более того, выделение единицы анализа «всегда стояло в центре теоретической работы психологов разных направлений, и по избранной ими единице можно было судить о существовании развиваемой ими теории» (Анцыферова, 1969, с. 61). Действительно, каждый исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью сопоставления полученных им результатов с существующей системой психологических знаний. Но такое сопоставление возможно лишь в том случае, если имеется некоторая единичная «величина», позволяющая соизмерять между собой экспериментальные данные и теоретические конструкты. Такая единица часто бывает не эксплицирована, но от этого не уменьшается ее роль в процессе психологического познания. Поэтому вопрос о положении единиц анализа в структуре психологии представляет интерес не только с точки зрения истории психологической науки, но и как одно из центральных звеньев системы научной методологии: исследование единиц актуально не только потому, что с их помощью можно проследить процесс развития психологической теории, но также и потому, что единица аккумулирует в себе теоретические взгляды ученого и в силу этого является важным фактором, определяющим построение теории.

В то же время имеется очень немного работ, в которых единицы анализа выступали бы как предмет методологического исследования. В результате нечетко определяются гносеологический и онтологический аспекты выделяемых единиц. Смещение же гносеологического и онтологического аспектов в корне противоречит методологии научной психологии. Невыясненным остается статус единиц в системе психологической науки, а понятие «единица психологического анализа» не имеет своего четкого определения.

Таким образом, представляется актуальным проведение специальных исследований, в которых было бы выявлено содержание и место единиц анализа в структуре психологического знания.

В психологической литературе широко употребляется как сам термин «единица психологического анализа», так и его синонимы. Например, предлагается содержательно различать единицу как онтологическое образование и гносеологическую единицу (Зинченко и Смирнов, 1983). Близко по смыслу разделение единицы анализа как инструмента определенного метода анализа и логического начала как средства изложения (Ткаченко, 1983). Часто используется понятие «клеточка», обозначающее генетически исходную единицу анализа (Гордеева и Зинченко, 1982; Давыдов, 1966, 2000; Давыдов и Зинченко, 1980; Зинченко, 1981; Зинченко и Смирнов, 1983; Рубинштейн, 2001; Ткаченко, 1983; Юдин, 1978). Существует термин «структурная единица» (Асмолов, 1996; Леонтьев, 1975). Л.С.Выготский (1982б) ввел в данное «семантическое поле» термин «микрокосм». А.В.Петровский (1982) вводит понятие «молекула межличностных взаимоотношений».

В основании такого многообразия синонимичных терминов лежит различие содержания, вкладываемых в соответствующие понятия их авторами. Данное различие обнаруживается при сопоставлении существующих концепций единиц. Так, уже в контексте одной из первых психологических теорий – ассоцианизма – можно обнаружить резко отличные друг от друга толкова-

ния: ассоциация ощущений (Локк, 1960), нервных вибраций (Пристли, 1934), идей (Юм, 1965) и т. д. В классическом бихевиоризме (Уотсон, 1926, 1980а, 1980б) единица – стимульно-реактивный поведенческий акт, в концепции Э.Толмена (1980) – целенаправленный поведенческий акт, в системе И.М.Сеченова (1935) – рефлекс, в теории высшей нервной деятельности И.П.Павлова (1951) – условный рефлекс, в рефлексологии В.М.Бехтерева (1907) – сочетательный рефлекс, в реактологии К.Н.Корнилова (1927) – реакция. В гештальтпсихологии единицей служит гештальт, кроме того, признаки единицы содержат структурные отношения между фигурой и фоном (см.: Выготский, 1982а). В отечественной психологии единицами анализа выступали установка (Узнадзе, 2001), действие (Запорожец, 1960; Зинченко, 1981; Зинченко, 1939, 1961; Рубинштейн, 2001), поступок (Рубинштейн, 2001; Соколова, 1999), значащее переживание (Бассин, 1972), живое движение (Гордеева и Зинченко, 1982), динамическая смысловая система (Асмолов, 1996) и другие понятия.

Несмотря на содержательное и терминологическое разнообразие, неизменными остаются признаки, определяющие собой единицы. Эти общие признаки, очевидно, должны обнаружить себя в определении понятия «единица психологического анализа».

В современной литературе фактически сохраняет свою силу эксплицитно или имплицитно принимаемое общее определение, сформулированное Л.С.Выготским: «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» (Выготский, 1982б, с. 15).

В конце своего творческого пути Л.С.Выготский вполне определенно формулирует: «Для анализа, который пользуется разложением на элементы, самое характерное заключается в том, что он доводит расчленение целого до таких частей, которые уже не содержат в себе свойств, присущих целому, и потому такой анализ исключает возможность объяснения сложных свойств, присущих целому, из свойств отдельных частей.

Анализ, разлагающий на элементы, характеризуется тем, что в элементе не содержатся свойства, присущие целому, единица же характеризуется тем, что она есть такая часть целого, в которой содержатся, хотя бы в зачаточном виде, все отдельные свойства, присущие целому» (Выготский, 1966, с. 36–37).

В данных определениях содержатся указания на важные функциональные признаки единиц. Во-первых, это – отношение единицы анализа к предмету исследования как части к целому. Во-вторых, единица (в отличие от элемента) не просто является частью предмета, но содержит информацию об основных свойствах целого. В-третьих, подразумевается, что выделение единицы не является самоцелью психологического анализа: единица является орудием, посредством которого происходит выявление неизвестных свойств предмета.⁶

⁶ По справедливому замечанию А.Н.Ткаченко, «Выготский при объяснении сущности используемого им „метода анализа единиц, а не элементов“ скорее имеет в виду метод исследования, а не изложения знаний» (Ткаченко, 1983, с. 5).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.